

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Универсальные стандарты прав человека: реальность или иллюзия?

ЕСПЧ и право быть забытым: поиск необходимого баланса

Специальный суд по Косово — панацея от безнаказанности?

**Межамериканский суд по правам человека
и продвижение экологических прав: не мытьём, так катаньем**

На распутье: какое право применить к арбитражному соглашению?

Выдержка из дневников Мартенса за 1899 год

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОСУДИЕ

№1 (41) • 2022

Учредитель

О. Б. Сидорович

Издатель

ООО «Центр конституционных исследований»

Редакционный совет

А. И. КОВЛЕР, председатель (Институт законодательства и сравнительного правоведения)

Б. БАУРИНГ (Лондонский университет, Великобритания)

Л. ГАРПИЦКИЙ (Варшавский университет, Польша)

А. Я. КАПУСТИН (Институт законодательства и сравнительного правоведения)

Т. Н. НЕШАТАЕВА (Суд Евразийского экономического союза, Беларусь)

А. НУССБЕРГЕР (Кельнский университет, Германия)

С. М. ПУНЖИН (Международный Суд ООН, Нидерланды)

А. УШАЦКА (Международный уголовный суд (2006–2015), Латвия)

М. Л. ЭНТИН (МГИМО МИД России)

Редакционная коллегия

Д. С. БОКЛАН (НИУ «Высшая школа экономики»)

А. П. ЕВСЕЕВ (НИУ «Высшая школа экономики»)

Д. В. КРАСИКОВ (Саратовская государственная юридическая академия)

И. В. РАЧКОВ (МГИМО МИД России)

В. Н. РУСИНОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)

А. К. СОБОЛЕВА (НИУ «Высшая школа экономики»)

В. В. СТАРЖЕНЕЦКИЙ (НИУ «Высшая школа экономики»)

М. П. ТРУНК-ФЕДОРОВА (Санкт-Петербургский государственный университет)

М. А. ФИЛАТОВА (НИУ «Высшая школа экономики»)

К. В. ЭНТИН (Суд Евразийского экономического союза, Беларусь)

Выпускающий редактор

О. Б. СИДОРОВИЧ (ООО «Центр конституционных исследований»)

Ответственный секретарь

Т. С. ЖУКОВА

Редакторы

М. СИДОРОВИЧ

С. Ф. УСПЕНСКАЯ

Корректор

С. Ф. УСПЕНСКАЯ

Журнал издаётся при
финансовой поддержке

Решением ВАК журнал включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук».

Журнал входит в базу журналов Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, а также в базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-82341 от 23 ноября 2021 года
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Тираж 500 экз. Периодичность — 4 номера в год.

ISSN 2226-2059. Цена свободная.

Подписано в печать 30 марта 2022 года.

Адрес редакции: 129090 Москва, ул. Щепкина, д. 8.

Для корреспонденции: 129090 Москва, а/я 140.

Тел.: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35.

Отпечатано: ООО «Буки Веди»

117246, г. Москва, проезд Научный, д. 19, этаж 2, ком. 6Д, оф. 202.

Позиции авторов статей могут не совпадать с мнением редакции.

При цитировании материалов ссылка на журнал и правообладателя обязательна.

Перепечатка разрешена только с письменного согласия правообладателя.

© ООО «Центр конституционных исследований»

TRIBUNA

НАСКОЛЬКО УНИВЕРСАЛЬНЫ «УНИВЕРСАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ» ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ПЕРЕОЦЕНКА КРИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА **3**
Андрей Медушевский

SCRIPTORIUM

JUS HONINUM
ПРАВО БЫТЬ ЗАБЫТЫМ: ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПОИСКАХ НЕОБХОДИМОГО БАЛАНСА **32**
Тигран Оганесян

РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ПРАКТИКЕ МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА **57**
Александр Солнцев, Анастасия Отрашевская

СПЕЦИАЛЬНЫЙ СУД ПО КОСОВО — НОВЫЙ ОРГАН МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ **79**
Андрей Антонов, Александр Евсеев

LEX MERCATORIA
ПРИМЕНИМОЕ ПРАВО К АРБИТРАЖНОЙ ОГОВОРКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ **99**
Дмитрий Кайсин, Александра Асланян, Ирина Кизько

HISTORIA
ДЕЛО ГАЙАНА ПРОТИВ ВЕНЕСУЭЛЫ: О ТОМ, КАК ПРОШЛОЕ НЕ ДАЁТ ЖИТЬ В НАСТОЯЩЕМ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ **113**
Илья Рачков, Елизавета Рачкова

ВЫДЕРЖКА ИЗ ДНЕВНИКОВ ФЁДОРА ФЁДОРОВИЧА МАРТЕНСА ЗА 1899 ГОД **122**

ACADEMIA

SCHOLA
СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО АРБИТРАЖА: ПРИЧИНЫ, ПУТИ ВЫХОДА **138**
Евгений Евсеев

INTERNATIONAL JUSTICE

1 (41) • 2022

Founder

O. Sidorovich

Publisher

Center for Constitutional Studies Ltd.

Scientific Advisory Board

A. KOVLER, Chairman (Institute of Legislation and Comparative Law)

B. BOWRING (Birkbeck College of the University of London, UK)

L. GARLICKI (University of Warsaw, Poland)

A. KAPUSTIN (Institute of Legislation and Comparative Law)

T. NESHATAEVA (Court of the Eurasian Economic Union, Belarus)

A. NUSSBERGER (University of Cologne, Germany)

S. PUNZHIN (International Court of Justice, Netherlands)

A. USACKA (International Criminal Court (2006–2015), Latvia)

M. ENTIN (MGIMO University)

Board of Editors

D. BOKLAN (Higher School of Economics)

K. ENTIN (Court of the Eurasian Economic Union, Belarus)

A. EVSEEV (Higher School of Economics)

M. FILATOVA (Higher School of Economics)

D. KRASIKOV (Saratov State Law Academy)

I. RACHKOV (MGIMO University)

V. RUSINOVA (Higher School of Economics)

A. SOBOLEVA (Higher School of Economics)

V. STARZHNETSKY (Higher School of Economics)

M. TRUNK-FEDOROVA (Saint Petersburg State University)

Managing Editor

O. SIDOROVICH (Center for Constitutional Studies Ltd.)

Editorial Secretary

T. ZHUKOVA

Proofreaders

M. SIDOROVICH

S. USPENSKAYA

Published under the sponsorship of the

ISSN 2226-2059; e-ISSN 2541-8548

Address: 8, Shchepkin Str., Moscow, 129090, Russian Federation

Mailing Address: P. O. Box 140, Moscow, 129090, Russian Federation

Phones: +7 (495) 608-69-59; 608-66-35

E-mail: mp_journal@mail.ru

https://academia.ilpp.ru/ij/

© Center for Constitutional Studies Ltd., 2022

TRIBUNA

- HOW UNIVERSALIZED ARE “UNIVERSAL STANDARDS” OF HUMAN RIGHTS: THE CRITICAL SCHOOL OF INTERNATIONAL LAW REAPPRAISED** **3**
Andrey Medushevsky

SCRIPTORIUM

- JUS HOMINUM**
- THE RIGHT TO BE FORGOTTEN: THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS IN SEARCH OF THE NECESSARY BALANCE** **32**
Tigran Oganessian
- DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF ENVIRONMENTAL HUMAN RIGHTS IN THE PRACTICE OF THE INTER-AMERICAN COURT OF HUMAN RIGHTS** **57**
Alexander Solntsev, Anastasia Otrasheskaya
- KOSOVO SPECIALIST CHAMBERS — A NEW ORGAN OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE** **79**
Andrey Antonov, Aleksandr Evseev
- LEX MERCATORIA**
- THE LAW GOVERNING ARBITRATION AGREEMENTS: A COMPARATIVE LAW ANALYSIS** **99**
Dmitry Kaysin, Aleksandra Aslanyan, Irina Kiz'ko
- HISTORIA**
- GUYANA VS. VENEZUELA: HOW THE PAST PREVENTS US FROM LIVING IN THE PRESENT INSTEAD OF A FOREWORD** **113**
Ilya Rachkov, Elizaveta Rachkova
- A FRAGMENT FROM FYODOR FYODOROVICH MARTENS' DIARY FOR 1899** **122**

ACADEMIA

- SCHOLA**
- THE SYSTEMIC CRISIS OF INTERNATIONAL INVESTMENT ARBITRATION: ITS REASONS AND WAYS OUT** **138**
Evgeniy Evseev

Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права

Андрей Медушевский*

Идея всеобщего характера фундаментальных прав человека и их защиты стала краеугольным камнем международной правовой теории и практики после Второй мировой войны, открыв путь формированию универсальных стандартов прав человека и их имплементации транснациональными и национальными судами. Формирующийся глобальный правовой порядок был основан на рациональной презумпции того, что западные либеральные ценности могут быть постепенно продвинуты поверх национальных границ для создания новой космополитической постнациональной реальности международного конституционализма, позволяя избежать нарушений прав человека недемократическими политическими режимами. Однако это идеалистическое видение ситуации в последнее время было поставлено под вопрос в результате роста фрагментации и асимметрии многополярного международного устройства, мощных региональных союзов и государств, а также подъёмом антиглобалистских сил различного идеологического характера. Этот интеллектуальный тренд, суммированный критической школой международного права, предложил альтернативное видение правовой глобализации, прав человека и их защиты. Мейн-стримная концепция глобального либерального конституционализма была отвергнута критиками как упрощение всё более разделённого глобального правового порядка, который управляется не общими ценностями, но совершенно различными конкурирующими интересами. В этих интеллектуальных рамках «универсальный характер» прав человека представляет собой не более, чем форму «фальшивого универсализма» — доминирования глобальных сверхдержав над развивающимися странами с целью сохранить существующую несправедливую систему международного порядка и неравенства мировых регионов, стран и меньшинств, исторически не имевших голоса в этих дебатах. Автор суммирует аргументы этой критической волны в международных дебатах, рассматривая такие темы, как легитимность международного права; симметрия и фрагментация; региональные стратегии адаптации к международным стандартам; место так называемых постлиберальных ценностей в качестве альтернативы либеральным; и возможные новые траектории в международном конституционном правосудии. В заключительной части статьи автор формулирует новую дилемму принципа универсальности — она способна быть реализована только в случае взаимного соглашения всех глобальных акторов, но этот консенсус не может быть достигнут в текущей ситуации глубокого когнитивного диссонанса. Решение этой проблемы возможно на основе когнитивного конституционализма как новой формы международного диалога о глобальном правовом устройстве.

→ *Глобальное право; универсальные правовые стандарты; права человека; критическая школа международного права; фальшивый универсализм; правовая асимметрия; постлиберальные ценности; конституционное правосудие; дилемма глобального конституционализма; когнитивный конституционализм*

* Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

1. Введение

Мировая практика выработала идеологию универсальных прав человека после Второй мировой войны. Эта идеология стала основой процесса конституционализации международного права — закрепления прав и стандартов их обеспечения в целом ряде международных договоров, которые, как предполагалось, создают интернациональные гарантии и предотвращают нарушение данных договоров со стороны отдельных государств и политических режимов. Основу указанной идеологии составляют Всеобщая декларация прав человека (1948), Европейская Конвенция по правам человека (1950), Венская конвенция о праве международных договоров (1969), готовность государств соблюдать их, а также практика Европейского Суда по правам человека (*далее* — ЕСПЧ) и независимых национальных конституционных судов.

Восприятие прав человека как универсальных является аксиомой западной правовой мысли и основой стратегии их продвижения в глобальном масштабе. Однако в ситуации кризиса глобализации как процесса, развивающегося в привычных правовых формах, идёт поиск альтернативных интерпретаций смысла существующих стандартов и возможных вариантов согласования. Если до последнего времени эти интерпретации просто отбрасывались или упоминались вскользь как маргинальные и не существенные, то в настоящее время они мощно заявили о своём присутствии в разных регионах мира, заставляя говорить о полноценной альтернативе классической (или «западной») парадигме. Обобщением этих неконвенциональных представлений стала критическая теория международного права, опирающаяся на антиглобалистские движения по всему миру. В литературе этого направления сформулирована принципиальная проблема того, что понимается под универсальностью прав: существует она в действительности или представляет скорее пожелание; насколько однородно понимание этого термина в современном мире и практике различных государств; насколько существующие стандарты прав и их обеспечения получают единообразную трактовку в разных регионах мира, и, в целом, возрастает универсальность или убывает?

В данной статье рассматривается ряд взаимосвязанных вопросов по этой теме: легитимность существующей системы международного права; реальность или иллюзорность универсальных стандартов прав человека; причины отрицания этой универсальности её критиками; соотношение симметрии и асимметрии в глобальной динамике правового регулирования; перспективы сближения западных и незападных подходов; стратегии адаптации региональных правовых режимов к универсальной концепции прав, включая позицию так называемых ревизионистских государств; значение идеологического размежевания сторонников либеральных и постлиберальных ценностей; отражение этих конфликтов в определении места и задач институтов конституционного правосудия. В заключение сформулированы возможности достижения непротиворечивой концепции прав человека и универсальных стандартов их понимания с позиций когнитивного конституционализма.

2. Насколько легитимна существующая система международных гарантий: право или справедливость?

Универсальность стандартов прав человека предполагает единство подходов к международному праву — к оценке действующей системы международного права, её идеологических оснований, к истории формирования и соответствия заявленным принципам прав человека. По всем этим параметрам антиглобалисты ставят под сомнение легитимность

международного права и глобального конституционализма как инструмента продвижения единых стандартов прав человека.

Констатируется противоречивость теории «глобального» или «международного» конституционализма, которая проистекает из дисциплинарной гибридности его природы, места и целей, а также практических следствий реализации. Глобальный конституционализм — это философская парадигма и юридическая конструкция, исходящая из возможности конвергенции международного и конституционного права, результатом которой станет новый вид глобального, международного или транснационального правового регулирования и управления¹. Данная теория подвергается критике как с позиций традиционной юриспруденции (теоретиками права, юристами-международниками и конституционалистами), так и с позиций критической теории (представителями космополитизма, марксизма, критической расовой теории, феминизма и постструктурализма, экологического движения, киберлибертарианства, анархизма, историками международного права²). Критические аргументы обобщены институционально выраженным движением нового подхода к международному праву (англ.: *New Approach to International Law*, NAIL) или подхода развивающихся стран (англ.: *Third World Approach to International Law*, TWAIL)³. Данное направление сформулировало собственный критический подход к международному праву, связанный с пересмотром его теории и методологии⁴. Речь идёт об отказе от его традиционного консервативного прочтения, вскрытии исторических диспропорций формирования и направленном поиске стратегии преобразований, прежде всего с учётом интересов тех регионов мира, которые ранее не были участниками международного процесса в силу господства европоцентризма, империализма и колониализма⁵. У новейших представителей данного течения прослеживается чрезвычайно эмоциональное восприятие проблемы справедливости международного права⁶.

В центре критической теории находится представление о том, что существующая система международного права нелегитимна, в том числе в регулировании прав человека. Во-первых, она изначально «несправедлива» в том виде, в каком исторически сложилась в XVII—XVIII веках, поскольку она связана с колониализмом и империализмом ведущих западных государств, произвольно деливших мир на сферы влияния и объявлявших зависимые регионы «нецивилизованными».

Во-вторых, она не «монолитна», но представляет конфликт нарративов — «западного» и «незападного», — принципиально различных в ключевых оценках истории возникновения (Вестфальский договор) и функционирования современных междуна-

¹ Подробнее о теории глобального конституционализма и спорах о ней см.: *Medushevsky A. N.* Global Constitutionalism and Legal Fragmentation: The Populist Backslide in Central and Eastern Europe // *Studia Iuridica Lublinensia*. Vol. 30. 2021. No. 4. P. 393–440.

² См.: *Kumar V.* Towards a Constitutionalism of the Wretched // *Völkerrechtsblog*. 2017. 27 July. URL: <https://voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched/> (дата обращения: 05.02.2022).

³ См.: *Mutua M. W.* What Is TWAIL? // *Proceedings of the American Society International Law Annual Meeting*. Vol. 94. 2000. P. 31–38; *Gathii J. T.* TWAIL: A Brief History of Its Origins, Its Decentralized Network, and a Tentative Bibliography // *Trade, Law and Development*. Vol. 3. 2011. No. 1. P. 26–64.

⁴ См.: *Okafor O. Ch.* Critical Third World Approaches to International Law (TWAIL): Theory, Methodology, or Both? // *International Community Law Review*. Vol. 10. 2010. No. 4. P. 371–378.

⁵ См.: *Anghie A.* Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2004; *Pahuja S.* Decolonising International Law: Development, Economic Growth and the Politics of Universality. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

⁶ См.: *Ramina L.* Framing the Concept of TWAIL: “Third World Approaches to International Law” // *Revista Justiça do Direito*. Vol. 32. 2018. No. 1. P. 5–26.

родных отношений⁷. Существующие исторические нарративы, по мнению критиков, выражают интересы и представления Европы, но не других регионов мира. Так, утверждение, что Вестфальский мир 1648 года стал начальной точкой современной концепции суверенитета, возможно, верно для Европы, но не для Азии, где все параметры суверенитета присутствовали будто бы уже в древности и определяли международные отношения таких государств, как Шумер, Ассирия, Персия, Индия, Китай. Сходным образом Греция, Рим, исламская традиция были привержены современной концепции суверенитета и легитимности в международном праве, в рамках которой действовал и принцип *pacta sunt servanda*. Буддизм признавал значение права, конфуцианство дало формализацию его принципов, создавая систему норм обычного права. В рамках этого подхода корректировке подлежат основные понятия, периодизация, хронология поворотных точек глобального правового развития. В центре критики господствующих теорий оказывается «цель в праве» — телеология глобального конституционализма как права постнационального мира⁸.

В-третьих, современная конструкция международного права не отражает общих интересов. Она была создана после Второй мировой войны великими державами для закрепления их интересов под видом всеобщих, причём сами они — США, Россия и Китай — не соблюдают ключевых принципов международного права, когда им это выгодно. Отрицается исходная установка на принятие существующей трактовки международного права в качестве отправной точки всей дискуссии. Вопреки господствующим представлениям о справедливости, монолитности и универсальности современной конструкции международного права, её критики утверждают обратное⁹.

Для утвердившейся модели глобального управления, считают критики, характерен «дефицит конституционализма», воплощённый в организации ООН и её Совета Безопасности, который не способен предотвратить войну в случае конфликта его постоянных членов. Роль международного права и юристов в предотвращении войн одними рассматривается как центральная (например, при заключении Пакта Бриана-Келлога в 1928 году): «Если право формирует реальную власть, а идеи формируют право, то мы контролируем наше будущее»¹⁰. Другими, напротив, эта роль ставится под сомнение или вовсе отвергается с позиций реальной политики¹¹. Данный подход расценивается критиками как разновидность «красивой истории о том, как несколько белых людей спасли мир», и игнорирует значение более мощных факторов, таких как, к примеру, крестьянская война в Азии и Африке, сыгравшая значительно большую роль в деколонизации, чем миротворческие усилия западных юристов. В действительности война никогда не прекращалась, но лишь меняла формы — от столкновений государств к гражданским войнам. Кризис 2008 года сходным образом привёл к росту асимметрии между странами глобального Севера и Юга и преобладанию крайне правых тенденций, рискующих

⁷ См.: Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law / ed. by M. Belov. London : Hart, 2018.

⁸ См.: *Krisch N.* Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law. Oxford : Oxford University Press, 2010.

⁹ См.: *Xavier S.* False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South: Ph.D. Dissertation. Osgoode Hall Law School, York University, 2015.

¹⁰ *Hathaway O.A., Shapiro S.J.* The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War. London : Allen Lane, 2017. P. 423.

¹¹ См. материалы дискуссии о роли юристов-международников в предотвращении мировых войн: *Diggelmann O.* The Internationalists as Grand Narrative: Key Elements and Dilemmata // Global Constitutionalism. Vol. 7. 2018. No. 3. P. 297–314.

смыть все достижения дипломатии, либерального порядка, созданного англо-американцами после Второй мировой войны¹². Поэтому задача мирового сообщества состоит в создании альтернативных «антигегемонистских центров» глобального конституционализма, способных преодолеть его исторические и институциональные диспропорции с позиций глобального гражданского общества — его акторов и ассоциаций. Обращаясь с этими критериями к истории международного права, критическая школа выстраивает аргументы в пользу её полного пересмотра в отношении смысла, критериев периодизации и содержания этапов правовой глобализации. Ещё более оправданным этот вывод представляется для конструирования глобальной правовой системы будущего.

Сохраняет значение общая дискуссия о природе международного права. С позиций философии реалистов оправданно сомнение в том, что международное право является правом. Это скорее позитивная моральность. Нормы международного права действуют лишь постольку, поскольку суверенные государства согласны им следовать. Если не согласны — обязательств не существует. Поэтому международное право определяется не ценностями, но интересами, которые могут быть различны, включая различие интерпретации смысла универсальных стандартов прав человека в международных договорах и национальных юрисдикциях.

3. Универсальные стандарты прав человека: реальность или иллюзия?

В основе продвижения прав лежит процесс конвергенции международного и национального права — процесс конституционализации международного права (прежде всего интерпретации признанного блока прав и их защиты). Теорией, стремящейся обобщить эти процессы, стал глобальный конституционализм (англ.: *global constitutionalism*)¹³. Данное понятие расшифровывается как космополитический конституционализм (англ.: *cosmopolitan constitutionalism*), международный конституционализм (англ.: *international constitutionalism*) или транснациональный конституционализм (англ.: *transnational constitutionalism*), которые отнюдь не синонимичны и демонстрируют разные направления интерпретации нового феномена. В современном мире тенденция к универсализации прав (интеграции) конституционных стандартов противостоит фрагментация региональных правовых режимов. Одним из её следствий становится отказ ряда региональных режимов и стран признавать стандарты прав человека или давать им собственную интерпретацию с позиций так называемой национальной идентичности.

Нестандартную интерпретацию получает ряд основных правовых принципов — справедливости, равенства и правового государства. Обеспечение справедливости международного порядка определяет внимание к таким понятиям, как интернациональная и транснациональная перспективы преодоления эгоизма «наиболее сильных государств», влияние цивилизационных факторов на мировой порядок и вопросы обеспечения глобальной легитимности (международная, транснациональная и трансцивилизационная легитимность)¹⁴. Устанавливается взаимосвязь теории справедливости и конструирования

¹² См.: *Barkawi T. From Law to History: The Politics of War and Empire // Global Constitutionalism. Vol. 7. 2018. No. 3. P. 315–329.*

¹³ См.: *Handbook on Global Constitutionalism / ed. by A. F. Lang, A. Wiener. Northampton, MA : Edward Elgar Publishing, 2017.*

¹⁴ См.: *Onuma Y. A Transcivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts // International Community Law Review. Vol. 8. 2006. No. 1. P. 29–63, 30.*

ния права¹⁵ с особым упором на политический конституционализм¹⁶. Вводится понятие исторической справедливости, подчёркивающее запросы стран третьего мира на переосмысление международного права с позиций критики западничества, антиколониализма и отстаивания принципа национального самоопределения постколониальных государств¹⁷. Создание современных международных институтов интерпретируется как результат преодоления имперского мышления¹⁸.

С этих позиций концепция универсальности стандартов прав человека требует критического переосмысления. *Первое*, доминирующая парадигма международного права создаёт «ауру лицемерия» в интерпретации прав человека, рассматривая западную модель их защиты как единственно возможную, понимая легитимность исключительно как соответствие «западным стандартам» демократии. *Второе*, она камуфлирует «исключительность» великих держав — прежде всего США. Эта страна после Второй мировой войны сыграла основную роль в создании институтов и правил международного права, но на практике едва ли считает себя скованной его нормами. США отказались ратифицировать большинство международных правовых договоров о правах человека, совершали серьёзные нарушения этих прав, вводили протекционистские меры в международной экономике и вообще игнорировали нормы международного права, начиная войны против других стран. Ответом на эту «исключительность» стало признание особой позиции такими странами, как Россия и Китай: последний заявил о демократии с «китайскими характеристиками» и отрицании западного принципа «гегемонистского инструментализма» (англ.: *hegemonic instrumentalization*)¹⁹. *Третье*, универсализм в трактовке прав ведёт к формализации и бюрократизации, ущемлению прав социальных меньшинств. В условиях глобализации представлена растущая тенденция к унификации правовых режимов — более двух третей государств современного мира встали на путь парламентаризма, закрепив его институты в своих конституциях. В то же время нарастают различия в интерпретации смысла демократии и прав: прослеживается разделение конституций на два кластера — конституционно-центричные (либеральные) и государственно-центричные (этатистские)²⁰. В понимании демократии различаются две интерпретации: 1) в контексте западной трактовки правового государства; 2) с учётом особенностей исторической идентичности и задач модернизации, осуществляемой в том числе авторитарной политической властью.

Итак, вопрос об универсальности стандартов прав человека выявляет противоречия между подходами глобалистов и антиглобалистов. Доминирующая концепция глобального конституционализма исторически основана на западной философии, восходящей к истокам христианства, идеям Просвещения и революций XVIII века. Она опирается на

¹⁵ См.: Rawls J. Lectures on the History of Political Philosophy. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2008.

¹⁶ См.: Bellamy R. Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.

¹⁷ См.: Manela E. The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism. Oxford : Oxford University Press, 2007; Westad O.A. The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.

¹⁸ См.: Mazower M. No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009; Pedersen S. The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire. Oxford : Oxford University Press, 2015.

¹⁹ См.: Carrai M.A. Global Constitutionalism and the Challenge of China's Exceptionalism // Global Constitutionalism without Global Democracy (?): EUI Working Paper, LAW 2016/21 / ed. by C. Coradetti, G. Sartor. Badia Fiesolana : European University Institute, 2016. P.95–113, 108.

²⁰ См.: Law D.S., Versteeg M. The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism // California Law Review. Vol. 99. 2011. No. 5. P.1163–1258, 1163–1164, 1173.

космополитизм, международное право и либеральную теорию конституционализма, отражающие их происхождение и историческое развитие прежде всего в ведущих государствах на Западе. Однако этот подход, будучи перенесён в незападные общества, порождает, по мнению критиков, иллюзорную картину реальности — «фальшивый универсализм» (англ.: *false universalism*), исходящий из того, что все страны идут к принятию единых (либеральных) ценностей как основы конституционализма.

4. Отрицание универсальности стандартов прав человека во имя преодоления фактической дискриминации

Тезис об универсальности стандартов прав человека подвергается критике на основе ряда взаимосвязанных аргументов.

1) Прежде всего, критиками глобализации ставится под вопрос единство правовых процессов в мире, что выражается характерным вопросом — «Является ли глобальный конституционализм глобальным?». Существование двух процессов глобального правового развития, интеграции и фрагментации международных отношений — проблема, связанная с определением преобладающего вектора в динамике и тенденциях их соотношения. Если ранее интеграция выступала в качестве доминирующего тренда, то сегодня этот вывод не представляется бесспорным или, как минимум, требует корректировки²¹. С этих позиций отрицается универсальность «интеграционной» парадигмы, которой противопоставлены региональные версии глобального конституционного устройства. Имеется в виду такой эффект глобализации, как фрагментация международных отношений — появление макрорегионов, имеющих собственные интересы, выраженные в альтернативных программах глобального правового устройства²².

2) В основе конструкции прав человека лежит только одна идеология — либеральная. Поэтому данная конструкция, по мнению критиков, не учитывает постлиберальных ценностей и прав, связанных с экологией, климатом, информатизацией, а также необходимости пересмотра собственности государств на ресурсы и территориальные права, которые должны быть основаны не на индивидуальных, но на коллективных правах, солидаризме, коллективизме. Вообще XXI век — это век не идеологий, а идентичностей. С этих антропологических позиций новый латиноамериканский конституционализм выдвигает концепции традиции, соотношения права и легитимности, а также конституционной идентичности, реальной и конструируемой.

3) В основе конструкции прав человека (демократия, правовое государство, индивидуальные права), считают сторонники критической школы, лежит исключительно их западная версия. Это — продолжение европоцентризма и даже неокOLONIALИЗМА, поскольку понимание соответствующих прав не отражает тенденций и реальности западных обществ. В целой группе развивающихся стран представлена последовательная критика европоцентризма доминирующей парадигмы глобального конституционализма. Под сомнение поставлена идея об универсальной применимости рекомендаций глобального конституционализма для всех регионов мира. Западный подход основан на определённом типе культуры, которая отсутствует (и не воспринимается) в других регионах.

²¹ Подробнее см.: Медушевский А. Н. Глобальный конституционализм: интеграция или фрагментация международных отношений в условиях экономического кризиса? // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 96–115.

²² См.: Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry / ed. by A. Jakubowski, K. Wierzyńska. London : Routledge, 2016.

Данный круг идей опирается в Европе на античное наследие — христианство с его идеей индивидуального спасения — и определяет либеральные ценности прав человека. Однако этот подход, считают критики, противоречит взгляду традиционных обществ Азии и Африки, где человек рассматривается не с позиций автономии и индивидуализма, а как интегральный член группы, объединённой духом солидарности (в обществе, общине или племени). Определяющей ценностью для стран этих регионов выступает не гражданское общество, а община — вообще сообщество (англ.: *community*), где права человека рассматриваются в лучшем случае как второстепенная ценность.

4) Подвергается критике редуцирование проблематики глобального конституционализма к «сущему», но не «должному», к дескриптивному, но не прескриптивному подходу. В результате направления исследований и проблематика глобальных конституционалистов оказываются вполне предсказуемыми. Это — эффекты «глобализации» в международном и внутренних правовых порядках, новые взаимозависимости между национальными и интернациональными порядками в свете глобализации; новые «глобальные нормы», сформировавшиеся преимущественно в деятельности международных институтов (как ООН, ВТО, МВФ, Всемирный банк) и новых конституционных коммуникаций (англ.: *constitutional networks*), выкованных во взаимодействии этих институтов; и наконец, другие «космополитические» и «высшие» нормы, появившиеся с процессом глобализации. Эти темы трактуются либеральными глобальными конституционалистами почти целиком в описательной манере. Их интересует главным образом картографирование и разграничение процессов и эффектов глобализации в отношении соответствующих потенциала и ответственности внутренних и международных глобальных порядков. Этот консервативный метод анализа, связанный с позитивизмом и нормативизмом традиционной концепции международного права, ведёт к апологии существующих норм и институтов вместо того, чтобы обосновать их преобразование.

5) Пересматривается система критериев оценки качества правового регулирования. В доминирующей парадигме глобального конституционализма упор делается обычно на два критерия — дескриптивный (тип конституционализма, который мы уже имеем) и нормативистский (тип конституционализма, который мы должны иметь). В новейших трудах выдвигается третий критерий оценки конституционализма с позиций должного — представления о том, как его следует конструировать (и каким должен быть международный порядок)²³. Этот подход выходит за традиционные нормативистские представления о конституционализации международного права, обращаясь к этике (то есть к представлениям о справедливости конструируемых норм).

6) Введение единых стандартов прав и их трактовки международным правом ведёт к консерватизму — закреплению фактического неравенства регионов, стран, меньшинств. Характерны требования феминистического движения, которое с этих позиций критикует стандарты прав как прав мужчин, не отражающие традиционные семейные ценности и роль женщины в разных культурах.

7) Универсализация прав, по мнению критиков, вообще представляет собой негативный процесс, поскольку ведёт к стандартизации, формализации и бюрократической унификации. От этого проигрывают незападные регионы мира — глобальный Юг и Восток, а также социальные меньшинства, дискриминация которых закрепляется этими стандартами. В отличие от доминирующей парадигмы, критический подход подчёркивает негативные стороны глобальной конституционализации. Главной из них признаётся

²³ См.: *Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. The Constitutionalization of International Law. Oxford : Oxford University Press, 2009.*

угроза унификации правовых отношений, ведущая к стандартизации защиты прав без учёта сложности социальной структуры²⁴.

Общим результатом универсализации стандартов, считают представители критической школы, становится умаление прав различных сегментов общества: равенство ведёт к ограничению прав меньшинств (и их маргинализации); приоритет либеральной трактовки индивидуальных прав подрывает сохранение «коллективных прав» или «групповых прав», определяющих коллективную идентичность; разделение публичной и частной сфер воспроизводит закрепление подчинённого положения отдельных слоёв и традиционной гендерной иерархии (в силу господства в традиционном обществе представлений о принадлежности женщины исключительно к сфере частной деятельности); ограничения власти ведут к тому, что властью наделяются иные структуры и акторы. В целом унификация правовых отношений, осуществляемая в рамках одной идеологии (либерализма) из единого регулирующего института, закладывает тенденцию к централизации и бюрократизации общества.

5. Доминирующий вектор глобального правового регулирования: симметрия или асимметрия?

Формирование системы мирового правового порядка выражается в столкновении двух противоположных векторов, один из которых направлен на увеличение симметрии правового регулирования, а другой — на увлечение его асимметрии в разных регионах мира.

Первый тренд, как отмечалось, представлен продвижением идеи глобального конституционализма — однородного понимания прав человека на основе единого понимания и унифицированных стандартов контроля. В связи с этим имеет значение различие интерпретаций транснационального конституционализма, конституционализации и её специфики (например, «трансформативный» конституционализм), а также моделей кооперации регионов в этом процессе. Процессы глобальной конституционной интеграции должны строиться по линии создания транснациональных международных объединений, необязательно локализованных географически или построенных по принципу секторальной организации.

Второй тренд — тенденция к росту асимметрии — выражается в фрагментации правовых режимов, дифференциации стандартов и правоприменительной практики. Отказ от симметрии нашёл выражение в «плюрализации центров» правового развития, выдвинув на первое место типологию, основанную на реконструкции глобальных регионов, имеющих отличительные устойчивые параметры правовой идентичности. Представлены различные типологии глобального конституционализма — по правовым семьям, по религиозному принципу (например, исламский конституционализм, буддийский конституционализм), по социально-культурному признаку, по уровню интегрированности в международное право, по отраслям регулирования (интернет-конституционализм), по региональному признаку. Такowymi признаны глобальные Запад и Восток, Север и Юг. Кроме того, выстраиваются модели региональных международных режимов в континентальных масштабах — Европы, Азии, Африки и Латинской Америки.

Ключевое значение в соотношении симметрии и асимметрии имеет сегодня противопоставление позиций макрорегионов — более традиционного разделения глобальных

²⁴ См.: *Schwöbel Ch. E. J. Global Constitutionalism in International Legal Perspective*. Leiden ; Boston, MA : Martinus Nijhoff Publishers, 2011.

Запада и Востока, а также глобального Севера (западной цивилизации) и глобального Юга (незападных стран). Под глобальным Югом понимается вся та совокупность регионов, которые исторически, культурно и политически противостоят глобальному Северу, то есть фактически глобальному Западу в самом широком понимании. Констатируется, что в вопросах производства конституционного дизайна данный регион оказывается дискриминирован — выброшен из описаний международного или глобального правового порядка как релевантный актор или релевантная география. Причина этого заключается в доминирующем представлении (закреплённом сверхпредставленными в дискуссии американскими и немецкими авторами) о том, что добавление глобального Юга ничего не даст концепции глобального конституционализма, а также в исторических стереотипах, сложившихся к середине XX века. В результате мир глобального конституционализма, как считает В. Кумар (профессор Школы права Университета Лестера), предстаёт чрезвычайно суженным²⁵.

В правовых трудах, написанных с позиций критической школы, глобальному Западу противостоят глобальные Восток и Юг²⁶. Понятие глобального Востока, однако, может определяться в более широком смысле (когда оно охватывает едва ли не все незападные культуры) и в более узком. В последнем смысле оно отождествляется преимущественно с ситуацией в Азии — расшифровывается как «азиатский подход к международному праву» или «азиатское видение» его конституционализации, призванное преодолеть западное доминирование. Представлены противоположные позиции по вопросу — «Существует ли единый азиатский подход к международному праву?». Одни допускают такую постановку вопроса²⁷. Другие отрицают этот подход, поскольку азиатские правовые системы очень разнообразны²⁸. Основу единства (совсем не бесспорно) азиатской версии правовой глобализации, считает новейший исследователь (С. Бхандари), составляет семь основных характеристик — распространение концепций, единая идентичность, коллективные интересы, единые нормы и факты, общий процесс, единые результаты (англ.: *concepts diffusion, uniform identity, collective interests, uniform norms and facts, common process, uniform outcomes*). Азия как регион в этом понимании может сыграть различные роли в международном праве и построении глобального конституционализма — пассивную или активную, выполняя роль пассивного «реципиента» или «активного партнёра» и «дизайнера глобального конституционализма»²⁹.

Сходная проблематика представлена по другим регионам — по регионам Латинской Америки и Карибского бассейна, где источником правовой идентичности региона выступают, например, идеи преодоления «колониального наследия», «чёрного возрождения» или особого «креольского права» и «креолизации» как процесса её утверждения в очень разных странах региона³⁰.

²⁵ См.: Kumar V. Op. cit.

²⁶ См.: Constitutionalism of the Global South: The Activist Tribunals of India, South Africa, and Colombia / ed. by D. B. Maldonado. Cambridge : Cambridge University Press, 2013.

²⁷ См.: Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism: The Law of the Sea, Territorial Disputes and International Dispute Settlement / ed. by J.-H. Paik, S.-W. Lee, K. Y. L. Tan. London : Routledge, 2012.

²⁸ См.: Chimni B. S. Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Theses, and Reflections // Asian Yearbook of International Law. Vol. 14 / ed. by B. S. Chimni, M. Masahiro, L.-A. Thio. Leiden : Brill-Nijhoff, 2008. P. 247–264.

²⁹ См.: Bhandari S. Global Constitutionalism and the Path of International Law: Transformation of Law and State in the Globalized World. Leiden : Brill-Nijhoff, 2016.

³⁰ См.: The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford : Oxford University Press, 2020.

В соответствии с различием подходов к проблеме характеризуются как трудности глобальной интеграции, так и её основные инструменты (международное право, международные институты, дипломатия, суды). В рамках системного подхода они традиционно объединялись в разделении мира на три области — глобальный центр, периферия и полупериферия, что предполагало сходство критериев оценки, указывало вектор развития и позволяло говорить о единстве процессов правовой модернизации, понимаемой как «догоняющее развитие». Однако процессы роста симметрии, ранее фиксировавшиеся как преобладающие, ныне ставятся под сомнение. Вопрос «Как велик мир глобального конституционализма?»³¹ сегодня приводит к пессимистическому выводу — совсем не велик.

Глобальное правовое регулирование предстаёт как арена борьбы за ту концепцию мирового правового порядка, которая содержательно устроит все регионы. Столкновение двух векторов — симметрии и асимметрии — идёт с переменным успехом и имеет разные результаты в разных регионах. Если на Западе доминирует движение к симметрии (универсализации стандартов международного права и прав человека), то на Востоке очевидно преобладает тенденция к росту асимметрии — фрагментации и иерархизации стандартов.

6. Дифференциация стандартов правового регулирования: возможно ли сближение западных и незападных подходов?

Теоретическое осмысление правовых стандартов в контексте процессов асимметрии и фрагментации глобальных регионов приводит представителей критической школы международного права к выводу о дифференциации этих стандартов. Это ставит под сомнение ряд методологических критериев сравнительного конституционализма.

Прежде всего, для данного подхода характерно отрицание методов сравнительного конституционного права — дисциплины, которая, по мнению критиков, не обеспечивает главного условия доказательности — принципа сравнения сравнимого. Сами методология, критерии сравнимости и используемый понятийный аппарат данных исследований признаются неэффективными, поскольку разработаны на основе правовых культур одного типа («западного»). Этот инструментарий не только не ведёт к сближению позиций, но камуфлирует содержательные различия правовых культур, а в худшем случае способствует навязыванию доминирующих ценностей тем обществам, которые их не принимают. Далее, под вопрос поставлен тезис о беспристрастности правового языка современного конституционализма. Язык международного конституционализма, основанный на принципе государственного суверенитета, таит в себе, по мнению критиков, неустранимый «гегемонистский потенциал»: вводя критерии формального равенства государств, он на деле ведёт к унификации правового порядка в интересах наиболее могущественных государств. Наконец, с этих позиций отвергается ряд классических методов — рассуждение по аналогии и судебный диалог, которые создают видимость единства критериев при его фактическом отсутствии. Пересмотр языка с позиций критической теории и функционализма допускает, однако, альтернативное прочтение конституционализма — позволяет дать место в дискуссии тем, кто ранее был исключён из

³¹ См.: *Kumm M., Lang A.F., Tully J., Wiener A.* How Large Is the World of Global Constitutionalism? // *Global Constitutionalism*. Vol. 3. 2014. No. 1. P. 1–8.

неё, и учесть позиции тех, кто не был услышан в рамках исключительно властной политики³².

Отрицая методы традиционной формальной юриспруденции, основанные на юридическом позитивизме и нормативизме, сторонники их пересмотра обращаются к идеям постмодернизма, правовой антропологии и юридического конструирования социальной реальности. В этом отношении ключевое место принадлежит идее пересмотра самой концепции универсальности норм международного права. Сформулирована дилемма — «Является международное право европоцентричным или универсальным?» (англ.: *is international law Eurocentric or universal?*). Европейский подход подвергается критике и объявляется анахронизмом, а ответ даётся в пользу расширения географического и культурного охвата других регионов. Речь должна идти не о пространстве расширения международного права в его традиционной европейской интерпретации, но о конституционализации международного права на основе различных правовых культур с учётом механизмов их отношений и критериев взаимодействия — интеграции, фрагментации, трансплантации, заимствований, адаптации, трансляции и прочее.

Обсуждается установка, в рамках которой возможно примирить конфликт исторических нарративов глобального конституционализма — западного и незападного происхождения. В центре внимания оказываются проблемы «деколонизации международно-правовых областей знания и мышления», признания «исторической ответственности Запада за колониальное прошлое», соответствующий пересмотр западных стереотипов в отношении суверенитета, колониализма и рабства, а также исторически обусловленного неравенства между глобальным Севером и глобальным Югом. Жёстко постулируется основная идея — современное право не может рассматриваться как продукт только одной культуры (западной), но предполагает существование других, включая вклад обычно-правовых практик в различных странах мира, выполняющих важную роль в формировании международного права, его фундаментальных концепций. Представлены попытки реконструкции того, что является антитезой «европоцентризму», то есть «незападного права». Эти попытки заслуживают специального рассмотрения³³.

Поиск путей сближения позиций между западными и незападными трактовками конституционализма представляет область повышенного интереса на современном этапе. Сопоставление глобального конституционализма в его европейском понимании (воспринимаемом как европоцентричное) с восточно-азиатскими подходами преследует следующие цели: 1) уточнить, переформатировать или даже отвергнуть когнитивные рамки и, таким образом, 2) развить или оправдать его нормативную повестку³⁴. Игнорирование предложений глобального Юга западным мейнстримом, считают его оппоненты, превращает глобальный конституционализм в разновидность различных моделей либерализма (англ.: *liberal constitutionalism, liberal internationalism and liberal humanitarianism*), что не исключает воспроизводства неоколониализма в создании современного глобального мирового порядка. Самостоятельной темой признаётся феномен «конституционализма колониальных поселений» (англ.: *settler-colonial constitutionalism*),

³² См.: Bönemann M., Jung L. Critical Legal Studies and Comparative Constitutional Law. 2015. URL: https://www.rewi.hu-berlin.de/de/li/ls/dnn/pub/oxcon_critical_legal_studies_and_comparative_constitutional_law.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

³³ См.: Aydin C. The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought. New York : Columbia University Press, 2007.

³⁴ См.: Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives / ed. by T. Suami, A. Peters, D. Vanoverbeke, M. Kumm. Cambridge : Cambridge University Press, 2018.

оказавший влияние на конституции многих стран — Канады, Австралии, Перу, Кении, Южной Африки, Замбии, США и Израиля, если называть только некоторые³⁵.

В этой дискуссии сформулирован ряд значимых вопросов: можно ли вообще избежать европоцентризма, придерживаясь аутентичной трактовки конституционализма; являются ли восточно-азиатские перспективы глобального конституционализма сходными с теми, которые есть в Европе? В какой мере конфуцианство привело к тому, что на Востоке гуманные принципы западного конституционализма оказались приняты или отвергнуты? Возможно ли отказаться от тезиса об исключительно западной природе конституционализма с учётом позитивного опыта ряда азиатских стран, например, конституционного судопроизводства Южной Кореи? В целом этот анализ даёт возможность поставить под вопрос схематичный тезис о преобладании авторитарно-бюрократического тренда в Азии, но не позволяет однозначно судить об общем векторе правового развития.

Приходится признать, что это критическое направление поиска, особенно актуальное для постколониальных правовых систем, убедительно в своей негативной части — в утверждении о текущем преобладании фрагментации и дифференциации стандартов, но не очень результативно в формировании альтернативного концептуального аппарата, ориентированного на интеграционный тренд.

7. Стратегии адаптации региональных правовых режимов к универсальным стандартам прав: интеграция, дезинтеграция или трансформация подходов?

В рамках универсальной теории правовых стандартов трудно понять различия в их фактическом положении в разных регионах мира и специфике их интерпретации отдельными группами стран. Схематично выделяется пять стратегий.

Во-первых, интеграционный проект Европейского Союза представляет собой принятие единого стандарта в контексте концепции конституционализации — процесса конвергенции международного и конституционного права, результатом которой станет новый тип права — глобальное, транснациональное или международное конституционное право (примером которого выступает право ЕС). С этих позиций разделяется три уровня конституционализации международного права — глобальный конституционализм (англ.: *global constitutionalism*); региональный конституционализм (англ.: *regional constitutionalism*); двусторонний вклад (англ.: *bilateral framework*). Третья концепция — умеренная формула для описания конституционализма в собственном смысле. Особые перспективы возлагаются на концепцию многоуровневого конституционализма (англ.: *multilateral or global constitutionalism*). Эта концепция основана на трёх фундаментальных характеристиках, таких как легитимность, власть и валидность (англ.: *legitimacy, authority, validity*)³⁶. Эти три характеристики также являются основой режима глобального управления (англ.: *global governance*), построенного на действующей системе глобального конституционализма. В целом этот вектор определяется некоторыми как движение «от апологии к утопии», то есть от принятия новых правил к их всеобщему одобрению³⁷.

³⁵ См.: Kumar V. Op. cit.

³⁶ См.: Bhandari S. Op. cit.

³⁷ См.: Koskeniemi M. From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument. Cambridge : Cambridge University Press, 2006.

Во-вторых, китайский проект — это полное отрицание доминирующей версии глобального права, международных стандартов прав как универсальных и выдвижение альтернативной нелиберальной их концепции. Китай является последовательным противником глобального конституционализма и управления и рассматривает их как форму продолжения западного империализма в новой интеллектуальной оболочке. Конституционализм воспринимается китайскими авторами как троянский конь, введённый Западом в Китай с целью затормозить его развитие. Китай выступает, по мнению некоторых исследователей, как последний бастион Вестфальской системы международного права — защитник суверенитета и авторитарного правительства. В противоположность западной либеральной модели прав человека выдвигается альтернативная их конструкция, основанная на азиатских ценностях — принципах конфуцианства, приоритете экономических и социальных прав перед политическими и гражданскими, меритократии перед демократией и образования перед демократическими выборами. Подход Китая к международному праву часто оценивается западными исследователями как «исключительный» или «девиантный», поскольку идёт вразрез с набором правил или моралью, которые приписываются зарождающемуся глобальному правовому порядку³⁸.

В-третьих, концепция ассимиляции западных стандартов в традиционных культурах с чрезвычайно различными традициями (Индия, Япония, Южная Корея, Сингапур). По странному совпадению это страны, находившиеся в орбите влияния Великобритании или оккупированные США после Второй мировой войны. Позиция Японии предстаёт здесь как наиболее информативная, поскольку демонстрирует стратегию полной ассимиляции, а её конституционализм является комбинированным вариантом, основанным на гибриде западной (США) и национальной традиций. Пересмотр идентичности страны в результате заимствования американских конституционных идей после Второй мировой войны в этой трактовке создал возможность совмещения западных и японских ценностей и правовых традиций. Усилия японского народа по сохранению статьи 9 (закрепляющей принцип абсолютного пацифизма) и вхождение на этой основе в мировую деятельность глобального гражданского общества предстают как уникальный японский вклад в глобальный конституционализм. Предполагается, что глобальное гражданское общество готово разделить идеологию статьи 9 и действовать на основе её потенциала. В качестве центра продвижения этой программы предложено региональное объединение Северо-Восточной Азии (Китай, Тайвань, Южная Корея, Монголия, дальневосточная Россия и Япония), представители которых на совместном заседании в Токио в феврале 2005 года приняли совместный документ (англ.: *Northeast Asia Regional Action Agenda (Tokyo Agenda)*), выражающий данную повестку реформирования глобального конституционализма³⁹.

В-четвёртых, концепция догоняющего развития — универсальные стандарты признаются, но их реализация откладывается из-за фактической невозможности сделать это. Данная стратегия догоняющего развития представлена в разных регионах мира — в Азии, Африке и Латинской Америке. Она присутствует в группе государств, определяемых как «пять поднимающихся демократий», — в Индии, Бразилии, ЮАР, Турции и Индонезии⁴⁰. Принятие универсальных стандартов в период «демократического транзита» 1990-х годов столкнулось здесь с вызовами глобализации. Ограниченный потен-

³⁸ См.: *Carrai M. A.* Op. cit. P.101.

³⁹ См.: *Kimijima A.* Global Constitutionalism and Japan's Constitutional Pacifism. 2011. P.47. Available at: http://www.ritsumei.ac.jp/ir/isaru/assets/file/journal/23-3_03_Kimijima.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

⁴⁰ См.: *Piccone T.* Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order. New York : Brookings Institution Press, 2016.

циал догоняющего конституционного развития продемонстрирован в настоящее время ростом популизма и авторитарных тенденций политических режимов (Моди, Больсонаро, Эрдогана и других)⁴¹.

В-пятых, стратегия направленной адаптации западной модели конституционализма, заторможенная трудностями её фактического осуществления и вынужденная в силу этого пойти на теоретическую и практическую модификацию соответствующих исходных стандартов. Примером в Африке служит ЮАР, где принятие либеральных идей прав человека и независимого правосудия в условиях перехода от системы апартеида к демократии выявило трудность прямого заимствования некоторых демократических стандартов западного происхождения (например, введения модели состязательного правосудия и суда присяжных), актуализировав социологический анализ правовых отношений⁴² и поставив проблему «трансформативного конституционализма» и особых качеств судей для обеспечения стандартов прав человека⁴³. Сходный тренд констатируется в ряде стран Латинской Америки, говорящих о пересмотре западных стандартов с позиций «постлиберальных ценностей», необходимости «переходного периода», особого «транзитарного правосудия», а также общей демократизации конституционного правосудия с целью его приближения к реальности развивающихся стран⁴⁴.

В этом контексте следует отметить особую позицию государств, реализующих различные варианты недемократического развития⁴⁵. К ним относится широкая группа стран — от так называемых несовершенных демократий, подчас прямо не отвергающих в принципе западные модели, но одновременно выступающих за их корректировку, до вполне авторитарных режимов, последовательно выступающих в защиту теократии, коммунизма, этноконфессиональных стратегий или просто пребывающих в стадии имитационного конституционализма.

8. Правовой протекционизм: защитный конституционализм постсоветского региона как форма адаптации к европейским стандартам прав человека?

В странах постсоветского региона представлена особая стратегия адаптации к формирующейся глобальной системе универсальных прав, которая отражает как условия их принятия, так и последующие трудности интерпретации. С одной стороны, с падением коммунистических однопартийных диктатур страны региона приняли и конституционно зафиксировали положения о приоритетности международных (европейских) стандартов демократии и прав человека, хотя сделали это в разной форме (статус ратифицированных международных договоров и обязательств неодинаков в различных национальных правовых системах). С другой стороны, в новейшее время эти страны, в том числе те из

⁴¹ См.: *Daly T.G.* Democratic Decay in “Keystone” Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? // I-CONnect. 2017. 10 May. URL: <http://www.iconnectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/> (дата обращения: 05.02.2022).

⁴² См.: *Klug H.* Towards a Sociology of Constitutional Transformation: Understanding South Africa’s Post-Apartheid Constitutional Order. University of Wisconsin Legal Studies Research Paper no. 1373. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2729460 (дата обращения: 05.02.2022).

⁴³ См.: *Kibet E., Fombad Ch.* Transformative Constitutionalism and the Adjudication of Constitutional Rights in Africa // *African Human Rights Law Journal*. Vol. 17. 2017. No. 2. P. 340–366.

⁴⁴ См.: *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* / ed. by S. Choudhry. New York : Oxford University Press, 2008.

⁴⁵ См.: *Constitutions in Authoritarian Regimes* / ed. by T. Ginsburg, A. Simpser. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.

них, которые ранее стояли в авангарде демократических преобразований, пошли на существенный пересмотр их значения, используя для этого целый комплекс методов⁴⁶.

В Центральной и Восточной Европе этот консервативный тренд охватил фактически все страны Вышеградской группы и Прибалтики. Он включает радикальный пересмотр соотношения европейского и национального права (решения о приоритетности национальных конституций по отношению к европейскому праву), корректировку конституций с националистических позиций (Венгрия, начиная с 2012 года), изменение статуса, полномочий и порядка формирования Конституционного суда (конституционный кризис в Польше 2015 года и последующие контрреформы), принятие конституционных поправок и законодательства, затрагивающего проблематику национальной идентичности, свободы совести, репродуктивных прав, права национальных меньшинств и прочее. Данные изменения в целом направлены на пересмотр стандартов ЕС в этих вопросах, причём некоторые из этих контрреформ Венецианская комиссия оценивает как очевидное отступление от Лиссабонского договора, ставящее под угрозу правовое единство ЕС.

В правовых системах ряда постсоветских стран Евразии, впервые обретших государственность с распадом СССР, сходный тренд отражён в новейших поправках к конституциям, где он выражается в отказе от «необоснованного» приоритета одних международных договоров перед другими, растущих сомнениях в приоритетности международного права перед конституционным, чёткой увязке положения о взаимообусловленности норм ратифицированных международных договоров с порядком и условиями их действия, определяемыми национальным законодательством, даже прямом исключении ранее зафиксированных положений об обязательном исполнении решений международных органов по правам человека⁴⁷.

Эти тенденции к правовому популизму и протекционизму чётко выражены в России⁴⁸. Завершением и символическим выражением постсоветской конституционной ретрадиционализации стала реконструкция легитимирующей формулы российской власти, ставшая результатом конституционной реформы 2020 года. Формально не затрагивая основополагающие конституционные принципы 1993 года, принятый блок поправок даёт их иную (консервативно-реставрационную) интерпретацию, меняя общий баланс позитивных и негативных ценностей, содержательных и инструментальных параметров регулирования, конституционной и метаконституционной легитимности публичной власти, объёма, структуры и характера её полномочий⁴⁹. Результатом длительного конфликта между Советом Европы и Россией по знаковым судебным делам, затрагивающим внешнюю и внутреннюю политику страны, стали постановление Конституционного Суда РФ о возможности неисполнения решений ЕСПЧ (2015), последующее принятие поправок в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» и поправок в Конституцию России (новая редакция статьи 79 и статьи 125).

В этой логике принципы и нормы международного права и ратифицированные Россией международные договоры остаются частью её правовой системы и имеют приори-

⁴⁶ См.: Constitutional Politics in Central and Eastern Europe: From Post-Socialist Transition to the Reform of Political Systems / ed. by A. Fruhstorfer, M. Hein. Berlin : Springer, 2016.

⁴⁷ См.: Медушевский А. Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 1(122). С. 13–32; Медушевский А. Тенденции постсоветских политических режимов в свете новейшей волны конституционных поправок // Общественные науки и современность. 2018. № 2. С. 49–66.

⁴⁸ См.: Populism as a Common Challenge / ed. by C. Crawford et al. Moscow : Political Encyclopedia, 2018.

⁴⁹ Подробнее см.: Медушевский А. Н. Конституционная реформа — 2020 с позиций теории легитимности // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2020. № 4. С. 15–30.

тет по отношению к внутреннему законодательству (пункт 4 статьи 15), но не ставят под сомнение высшую силу Конституции. Поэтому принятые на основе международных договоров решения транснациональных (межгосударственных) органов или судебных инстанций могут быть отвергнуты Конституционным Судом как противоречащие Конституции или «основам публичного правопорядка» России. Теоретическим обоснованием этой позиции стала формула о «пределах уступчивости» международным судам в трактовке «духа и буквы конституции» — тех рамок, в которых универсальные стандарты прав получают интерпретацию в национальном конституционном контексте. В этой интерпретации международным нормам противопоставляется верховенство конституции, универсальности стандартов — конституционная идентичность, либеральному индивидуализму — солидаризм, выполнению решений международных судов — диалог, понимаемый как мост с двусторонним движением, который предполагает реакцию в виде «защиты», «уступок» и подобных ограничений в политике права⁵⁰.

«Защитный конституционализм» есть, возможно, формула этой новой международной реальности, которая означает ограниченное принятие международных ценностных стандартов с учётом защиты от новых деструктивных глобальных трендов национальных «интересов» — культурной идентичности, традиционных ценностей, экономических приоритетов, институциональных рамок и суверенной политической стабильности, но одновременно ведёт к отказу от ранее принятых идей универсальности принципов глобального (международного) конституционализма или, как минимум, от представлений о единстве их реализации в глобальном, региональном или национальном контекстах.

9. Идеологический поворот: постлиберальные ценности как теория прав человека?

В процессе формирования глобального права констатируется осознание ряда проблем, требующих от человечества общих решений, выходящих (по мнению оппонентов) за рамки доминирующей либеральной парадигмы, ориентированной преимущественно на защиту прав индивида от государственного произвола. Критическая школа продвигает идеологию солидаризма — такую концепцию конституционализации международного права, которая отстаивает движение в направлении так называемых постлиберальных ценностей и правовых стандартов, отражающих текущие вызовы — экологические, энергетические, информационные, связанные с воспроизводством дискриминационных практик и преодолением неравномерности развития разных регионов мира. Среди них выделим семь основных установок, потенциально способных определить конструирование «постлиберальных» правовых стандартов.

Первый стандарт — стандарт «экологической справедливости» (англ.: *environmental justice*) и выполнения «экологического долга» (или «климатического долга») человечества (англ.: *the ecological debt*) во имя преодоления «исторической несправедливости» по отношению к окружающей среде (англ.: *historical environmental injustice*). Он связан с проблемой выживания человечества и необходимым пересмотром баланса прав в рамках экологического измерения глобального конституционализма по трём направлениям — территориальному (неравный обмен ресурсами между центром и периферией мировой экономики), социальному (неравный доступ различных социальных групп к ресурсам) и временному (перерасход ресурсов нынешним поколением

⁵⁰ Подробнее см.: Конституционный Суд России: осмысление опыта / под общ. ред. А. Н. Медушевского. М.: Центр конституционных исследований, 2022.

за счёт будущих). Общим выражением конфликта становится понятие долга человечества перед природой, для преодоления которого требуется обеспечить, с одной стороны, справедливый (равный) доступ к природным ресурсам и преимуществам экосистем, с другой — справедливое распределение обязательств по их использованию человечеством⁵¹. Главной областью регулирования этих отношений выступает глобальный экологический конституционализм (англ.: *global ecological constitutionalism*), включающий международное право окружающей среды (англ.: *international environmental law*), глобальный конституционализм окружающей среды (англ.: *global environmental constitutionalism*)⁵², проблематику климатических изменений и транснациональное правосудие в этой области⁵³, — с трактовкой прав человека, исключающей продолжение текущей практики «избыточного давления на природу»⁵⁴.

Второй стандарт — геознергетический, отражающий совокупность проблем, связанных с ограничением ресурсной базы человечества. Он охватывает вопросы публичных прав на землю, добываемые ресурсы и способы их распределения. Смысл его применения заключается в разрешении конфликта двух конкурирующих принципов — суверенного права собственности государств на их территорию, с одной стороны, и обеспечения коллективной собственности человечества на землю (ресурсы) во имя решения социально-экономических проблем глобализации (проблема диспропорции глобальных регионов и проблема бедности), с другой стороны. Этот подход требует пересмотра традиционной доктрины суверенитета государств, нового решения проблем территориальных прав и глобальной иммиграции, которые должны быть решены с всемирной точки зрения⁵⁵. В этом контексте выдвигаются предложения по установлению международного контроля по осуществлению государствами прав собственности на естественные ресурсы — включением их в минимальный стандарт прав⁵⁶. Необходимость преодоления глобальной экологической катастрофы требует, по мнению сторонников данного направления, радикального пересмотра основ конституционного права в его доминирующей либеральной трактовке, делающей упор исключительно на защиту индивидуальных прав граждан (в национальных государствах) и индифферентных к защите общих прав в отношении целостности глобальной экосистемы.

Третий стандарт — пересмотр теории прав человека с позиций нового гуманитарного права. Предлагаемый пересмотр основ конституционализма усматривается в отказе от рассмотрения природы как нейтрального (лишённого субъективности) понятия и возвращении к традициям естественного права (в буквальном смысле) — в введении концепции геогуманитарной цивилизации для защиты экосистемы планеты Земля. Это означает принятие природы как «основной нормы» конституционализма, отказ от ан-

⁵¹ См.: EJOLT (Environmental Justice Organization, Liabilities and Trade). Mapping Environmental Justice. Global Constitutionalism. URL: <http://www.ejolt.org/2015/09/global-constitutionalism/> (дата обращения: 05.02.2022).

⁵² См.: *Kotzé L.J.* Arguing Global Environmental Constitutionalism // *Transnational Environmental Law*. Vol. 1. 2012. No. 1. P. 199–233.

⁵³ См.: *Brunnée J.* Climate Change, Global Environmental Justice and International Environmental Law // *Environmental Law and Justice in Context* / ed. by J. Ebbesson, Ph. Okowa. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. P. 316–332.

⁵⁴ См.: *Pigrau A., Borràs S., Cardesa-Salzmán A., Jaria i Manzano J.* International Law and Ecological Debt: International Claims, Debates and Struggles for Environmental Justice: EJOLT Report No. 11, 2013.

⁵⁵ См.: *Risse M.* Taking up Space on Earth: Theorizing Territorial Rights, the Justification of States and Immigration from a Global Standpoint // *Global Constitutionalism*. Vol. 4. 2015. No. 1. P. 81–113.

⁵⁶ См.: *Wenar L.* Blood Oil: Tyrants, Violence, and the Rules that Run the World. Oxford : Oxford University Press, 2007.

тропоцентризма, индивидуализма и европоцентризма, свойственных западному либеральному мейнстриму. Данная программа включает пересмотр иерархии прав: на первое место должна быть поставлена экология во взаимодействии с правами человека, защита коллективных, а не индивидуальных прав. Упор в глобальном конституционализме должен быть сделан не на транснациональное правовое регулирование, а на создание новых принципов глобального права и их иерархии⁵⁷.

Четвёртый стандарт — продвижение делиберативной демократии с использованием транснационального правового регулирования и новых технических средств. Этот путь отражён уже в манифесте Дж. П. Барлоу «Декларация независимости киберпространства» (1996), суть которого заключается в обеспечении автономии мировой паутины от государственного контроля с принятием спонтанных форм регулирования самим интернет-сообществом. Данный тренд определяется разработкой проектов Конституции Интернета как глобальной инфраструктуры коммуникации и контроля⁵⁸. Он включает регулирование отношений за пределами государств, не ограниченное специальными отраслями традиционного права (как окружающая среда, безопасность и торговля); пересмотр конституционных принципов в сфере защиты персональных данных, кибербезопасности, публичной администрации, обосновывающий «электронное гражданское неповиновение» с позиций трансдисциплинарности; внимание к спонтанной выработке нового правового порядка самим интернет-сообществом без всякого вмешательства национальных государств, правительств и даже международных организаций; поиск новых подходов к правовому конструированию процессов и институтов, в которых права и демократическая легитимность формируют базис нормативных рамок для различных форм и уровней управления с их новой легитимацией⁵⁹. Новые стандарты прав могут быть связаны с принятием в виде отправного пункта международных правил — движением от статичной легальности к режиму глобального общества там, где продвижение глобального конституционализма связано с цифрой⁶⁰. Данный подход ставит в центр не государственные структуры, а общество (индивида) и рассматривает общепризнанные конституционные принципы как ценности глобального гражданского общества.

Пятый стандарт — пересмотр концепции суверенитета с позиций совместимости традиционных и новых конституционных норм (и институтов) в процессе глобальной трансформации. Это — вопросы сочетания глобальной стабильности и изменений, спонтанных процессов и контроля, конституционных ценностей и региональной идентичности, принципа национального суверенитета и его ограничений в виде различных теорий «ограниченного» или «совместного» суверенитета (проблема трансграничных режимов и подвижных границ, а также адаптации миграционных потоков); демократии и меритократии, пересмотра классических моделей разделения властей и контроля конституционности. По всем этим параметрам для разных регионов мира ситуация не идентична, поэтому принятие общих формальных принципов должно соотноситься с объ-

⁵⁷ См.: Carducci M., Castillo Amaya L.P. Nature as “Grundnorm” of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South // Revista Brasileira de Direito. Vol. 12. 2016. No. 2. P. 154–165.

⁵⁸ См.: Медушевский А. Н. Конституция Интернета: идея, проекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2019. № 1. С. 71–86.

⁵⁹ См.: Global Constitutionalism and the Internet. URL: <http://www.hiig.de/en/research/global-constitutionalism-and-the-internet/> (дата обращения: 05.02.2022).

⁶⁰ См.: Viellechner L. Constitutionalism as a Cipher: On the Convergence of Constitutionalist and Pluralist Approaches to the Globalization of Law // Goettingen Journal of International Law. Vol. 4. 2012. No. 2. P. 599–623.

активными препятствиями и возможностями их реализации, включая пересмотр традиционного понимания «конституционализма» (путём отрыва этого понятия от государственного суверенитета), совокупность так называемых «трансформативных» или «транзитарных» региональных форм.

Шестой стандарт — обеспечение прав исторически дискриминированных социальных групп и меньшинств. К их числу относятся все те социальные категории, статус которых в обществе определяется не столько буквой закона, сколько традицией, нравами и культурой (бывшие колониальные народы, расовые меньшинства, гендерные группы и прочее). Применение к ним формальных норм права поэтому ведёт не к восстановлению равенства, но к закреплению неравного статуса в обществе, воспроизводящего существующие дискриминационные практики. Для этого требуется отказ от мифа Французской революции о всеобщем равенстве, народе и гражданине (под которым понимался прежде всего мужчина — белый и принадлежащий к господствующей культуре), мифа, лежащего в основе суверенитета, конституирующей власти и конституционного проектирования, — во имя реального представительства разнообразных социальных интересов. Концентрированным выражением этих идей следует признать новейший «Манифест феминистского глобального конституционного порядка» (2018), требующий пересмотра традиционной версии конституционализма, как государственного, так и международного, продемонстрировавшего будто бы «свою враждебность женщинам», и установления иной повестки глобальной дискуссии с целью «выковать новую форму конституционализма, которая по своим установкам станет феминистской»⁶¹. Требуется, во-первых, отказ от концепции «идеализированного гражданина» с тем, чтобы конституирующая и конституционная власть реально отражали женскую идентичность — показали, «кто мы в действительности есть». Во-вторых, необходимость преодолеть исторически имевшее место исключение женщин и их молчание в решении конституционных вопросов и формировании повестки их обсуждения (в конституирующей власти). В-третьих, необходимо стремление обеспечить активное участие женщины в установлении глобальной повестки: сделать её полноценным соавтором глобальных конституционных текстов и участником академических дебатов (англ.: *women's co-authorship of global constitutions*). Наконец, требуется «право на восстание» (англ.: *the right to revolt*), понимаемое в традиции гендерной революции, отстаиваемой феминизмом, которое противостоит укоренившимся представлениям о политической сфере как о мужском пространстве и требует места для женщин (англ.: *discards preconceived notions of the political sphere as a male-centric space, and claims a place for women*)⁶².

Седьмой стандарт — восстановление идентичности как разумного баланса «исторических» и современных прав. Данный подход иллюстрируется движением нового латиноамериканского конституционализма (англ.: *new Latin American constitutionalism*)⁶³, в частности конституциями Эквадора (2009) и Боливии (2007). Большинство конституций, ассоциируемых с этим региональным трендом, отразили новый подход к экологии и публичной собственности, разделяют некоторые постлиберальные подходы к конституционному дизайну, включающие оригинальные парадигмы развития, вдохновлённые аборигенами (представлениями коренных народов — американских индейцев),

⁶¹ O'Donoghue A., Houghton R. A Manifesto for Feminist Global Constitutionalist Order // CLT. 2018. 1 August. URL: <http://criticallegalthinking.com/2018/08/01/a-manifesto-for-feminist-global-constitutionalist-order/> (дата обращения: 05.02.2022).

⁶² См.: Ibid.

⁶³ См.: Carducci M. "Cross-constitutionalism" and Sustainable Comparison // *Sociology of Constitutions: A Paradoxical Perspective* / ed. by A. Febbrajo, G. Corsi. London : Routledge, 2016. P. 137–166.

плюралистическую организацию государства (децентрализацию управления за счёт предоставления больших прав локальным сообществам) и инновативные (хотя и напоминающие общинные порядки) коммунитарные модели демократического участия в процессе принятия решений.

10. Конституционное правосудие перед вызовами глобализации

В контексте глобализации приоритетен оказывается вопрос об универсальности ценностного наполнения международного права и конституционного правосудия, его институтов и судебной интерпретации. Направления этой интерпретации обычно сводятся к международному публичному праву, институтам глобального управления и деятельности юристов-международников⁶⁴. Констатируется существенное изменение источников права, включающих теперь прецеденты транснациональных судов (Суда ООН, Европейского суда справедливости и ЕСПЧ), обязательные или имеющие рекомендательное значение для региональных и национальных правовых систем⁶⁵. Однако поиск новых правовых форм связан с пересмотром существующего баланса защищаемых конституционных прав, который, по мнению критиков, воспроизводит неравенство, сохраняет исторические диспропорции в отношении социальных групп и меньшинств, ведя к их дискриминации, как формальной, так и фактической.

Критика институтов конституционного правосудия — международных и национальных — включает следующие положения. 1) Отсутствует полноценный диалог между правовыми культурами и традициями: он подменяется диктатом международных институтов (судов), которые не являются беспристрастными; вместо содержательного диалога о правах происходит навязывание стандартов их реализации. 2) Содержательное единство интерпретации прав подменяется функциональным единством — автоматизмом действия международных судебных институтов, что означает принуждение вместо диалога. 3) В дискуссии о правах преобладают юристы из США, Англии, Германии, вообще Европы — с фактическим отстранением других регионов, которые лишены полноценного участия в дискуссии. 4) Международные институты и суды отражают проблемы и приоритеты тех стран, которые были инициаторами и спонсорами их создания: это преимущественно юристы англо-саксонской формации — выходцы из этих стран либо те, кто получил там образование. Этим объясняется иерархия ценностей, преобладание прецедентного права, порядок реакции на вызовы. 5) Информационная повестка дискуссии, инструменты, судебная практика определяются вне глобальных различий правовых регионов мира.

Определяющим направлением критики международного конституционного правосудия стал его европоцентризм. В географическом измерении в фокусе обсуждения всегда оказываются страны Запада: США, Европа, Соединённое Королевство и его бывшие доминионы — Канада, Австралия, Новая Зеландия. Иногда этот круг расширяется за счёт стран, реципировавших эти западные ценности, среди которых прежде всего Япония, Индия, Южная Корея, ЮАР. Однако, как считают критики, практически никогда в фокусе не оказываются «незападные» страны — страны Африки, Азии и Латинской Америки, не ставшие «реципиентами» или отторгающие англо-саксонскую интерпре-

⁶⁴ См.: *Deplano R.* Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry // *European Journal of Legal Studies*. Vol. 6. 2013. No. 1. P. 85–114.

⁶⁵ См.: *Медушевский А. Н.* Глобальный конституционализм: прецедент в транснациональной правовой коммуникации // *Закон*. 2020. № 1. С. 98–108.

тацию права⁶⁶. Некоторые регионы оказываются в промежуточном положении — они готовы принять ценности европейского права, но не могут сделать этого в полной мере из-за ограничений региональной правовой системы или национальных конституций — например, страны Карибского Содружества, где даже после обретения странами независимости сохраняется конкурирующее взаимодействие двух типов и институтов конституционного правосудия — Тайного совета в Лондоне и Карибского суда справедливости⁶⁷.

Выводом из этих наблюдений стали предложения о создании новых институтов международного правосудия и обсуждение повестки их деятельности с позиций глобального Юга. *Первое* — конституционализм для обеспечения биоразнообразия, разработанный странами Андской Латинской Америки (англ.: *the constitutionalism for biodiversity of the Andean Latin American countries*). Конституции этого региона отдают приоритет дискуссии об «экологическом дефиците» (англ.: *ecological deficit*) и рассматривают природу в качестве основной нормы (нем.: *Grundnorm*). *Второе* — проект об учреждении Международного конституционного суда (англ.: *International Constitutional Court*, IConstC), предложенный XX Саммитом Африканского союза в 2013 году⁶⁸. Он основан на понимании демократии как «информированного участия», а не представительного делегирования⁶⁹ и предполагает создание универсального юридического механизма для защиты самого «права на демократию» (англ.: *the “right to democracy”*). Данное право интерпретируется не с позиций классического понимания защиты прав человека (основанного на индивидуальных ожиданиях), но в рамках представления о демократии как универсально признанной формы правления, основополагающей для выживания человечества и в качестве таковой заслуживающей глобальной международной защиты с использованием механизма «всеобщего доступа» (англ.: *plural access*)⁷⁰. *Третье* — предложение по объединению идей двух проектов — Африки и Латинской Америки — как выражения единой позиции глобального Юга, заключающейся в сочетании экологического потенциала латиноамериканских предложений с универсалистским потенциалом африканской стратегии. Данное предложение направлено на создание демократических форм публичной делиберации. Его беспрецедентный характер усматривается в том, что оно фокусируется на развитии единого и универсального механизма одновременно юстициальности и подотчётности правительств (и национальных судебных систем) и защите демократических практик делиберативного участия и социального включения.

В противоположность индивидуалистическому подходу к защите прав, который ещё играет определённую политическую роль на уровне отдельных государств, эти подходы стремятся выстроить всеобщую модель «доступа к правосудию» для продвижения и эффективной реализации прав человека в связи с политическими и социальными темами. Результатом, по мнению разработчиков, станет способность глобального конституцио-

⁶⁶ См.: Kumar V. Op. cit.

⁶⁷ См.: The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. См. также: Медушевский А. Постоянство в изменчивости: об истинных причинах неотразимой привлекательности конституций экзотических стран: Рецензия на книгу: The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions / ed. by R. Albert, D. O'Brien, S. Wheatle. Oxford : Oxford University Press, 2020 // Сравнительное конституционное обозрение. 2021. № 1 (140). С. 128–156.

⁶⁸ African Union, Assembly of The Union Twentieth Ordinary Session 27–28 January 2013 Addis Ababa, Ethiopia. Assembly/AU/Dec.458(XX). URL: https://au.int/sites/default/files/decisions/9653-assembly_au_dec_450-473_xx_e.pdf (дата обращения: 05.02.2022).

⁶⁹ См.: Frosini J. O., Biagi F. Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors. London : Routledge, 2014. P. 142.

⁷⁰ См.: Carducci M., Castillo Amaya L. P. Op. cit.

нализма отразить как экологический, так и социальный вызовы глобализации, обеспечив естественные права, достоинство, справедливость и равенство на глобальном уровне.

11. Выводы: когнитивный конституционализм как предощущение универсальности правовых стандартов будущего

В условиях глобализации конструкция универсальности стандартов прав человека, исторически обязанным своим появлением западной мысли, оказывается под растущим напряжением, поскольку стремится к интеграции в мировую правовую систему регионов и стран, имеющих иные культурные представления и правовые традиции, часто существенно отличные от западных. С этих позиций рассмотренное направление мысли — критическая школа международного права — не может расцениваться однозначно. С одной стороны, она вполне справедливо указывает на когнитивный диссонанс в понимании универсальных стандартов прав человека, закреплённых в международном праве, выражая сомнение в самом факте их «универсальности», подчёркивая различия в понимании фундаментальных ценностей и раскрывая реальные интересы и запросы разных регионов мира по корректировке существующей модели. Просто игнорировать эти идеи как несущественные и маргинальные, объявив их популизмом, уже не получится.

С другой стороны, данное направление мысли, убедительное в критике противоречий и диспропорций международного права, не предлагает никакого решения проблемы. Оно выполняет даже деструктивную роль: отрицает легитимность международно-правовой конструкции прав человека, возникшей после Второй мировой войны (а другой просто не существует), ставит под сомнение универсальный характер стандартов их защиты и возможности обеспечения на глобальном уровне в системе международного конституционного правосудия. В своих крайних проявлениях критическая школа тяготеет к правовому нигилизму, отрицая легитимность существующей системы международного права во имя её идеальной и более справедливой конструкции, предлагая радикальное изменение ценностных и идеологических критериев, выступая за пересмотр институтов и механизмов международного конституционного правосудия, то есть отстаивая революционную программу преобразований, не достижимых в обозримый период времени.

Содержание дискуссии о правовом порядке будущего отражает дисфункции правовой глобализации: следует принять существующую систему международного права и институтов или реформировать её; если реформировать, то на каких основаниях — на основании существующих норм и институтов или создания их принципиально новой конфигурации? Каково должно быть, исходя из этого, соотношение международного и конституционного права и процессов транснациональной конституционализации? Как совместить либеральные и постлиберальные права (их индивидуалистическую и солидаристическую интерпретацию)? Каковы должны быть критерии сочетания интересов международных регионов и их правовых традиций с учётом того, что некоторые из них не только не вписываются в доминирующий тренд, но и противостоят ему? Как должны выглядеть механизмы обеспечения равенства регионов в разрешении конфликтов? Как обеспечить в транснациональных институтах представительство позиций регионов, государств и различных сегментов гражданского общества, в том числе меньшинств? Что такое демократическая легитимность глобальных институтов, и следует ли в трактовке демократии опираться исключительно на её западные стандарты или расширить их в целях учёта практик незападных государств (значительная группа которых функционирует в рамках ограниченного плюрализма или должна быть признана авторитарными)? И до

какой степени декларируемая универсальность стандартов прав человека отражает действительное единство их понимания и применения?

Вопросы, поставленные критической школой международного права, затрагивают само существо правовых стандартов и деятельности международных институтов конституционного правосудия в контексте глобализации. 1) В какой мере стандарты прав человека универсальны, а в какой — это иллюзорная или фальшивая универсальность? 2) Преобладает в реальности современного глобализирующегося мира процесс интеграции стандартов или их фрагментации? 3) Как соотносятся либеральные и постлиберальные права — означают ли последние ограничение первых? 4) Возможно ли использование сравнительного метода, отвечает ли он критерию «сравнения сравнимого», или мы имеем дело с несопоставимыми трактовками прав? 5) Насколько адекватны логика и язык судебных решений — соответствует ли их семантика и лингвистика принципу нейтральности (то есть исключает интерпретацию явлений одной культуры в категориях другой)? 6) Как возможно переустройство судебного диалога с учётом содержательных различий интерпретации прав? 7) Кто должен вести этот диалог — международные организации, государства, суды или структуры гражданского общества разных регионов мира?

Суть дилеммы глобального конституционализма, на наш взгляд, состоит в следующем. Универсальность правовых стандартов требует их всеобщего признания путём совместной выработки общих правил и норм всеми актёрами процесса, для чего необходимо достижение консенсуса всех его участников, независимо от их позиций. Однако это означает необходимость диалога в том числе с противниками глобального конституционализма — антиглобалистами, то есть теми, кто принципиально отрицает эту универсальность вообще, ставит её под сомнение по направлениям содержательного характера либо просто отказывается участвовать в обсуждении вопроса. Действительно, если место в дискуссии должно быть предоставлено всем, то, значит, его необходимо дать и противникам конституционализма, что логически ведёт к его отрицанию, делая поставленную цель недостижимой. Наконец, нет ясности в том, каковы должны быть правила и нормы, определяющие легитимность этого диалога, и кого следует признать его полноправным участником. Центральное значение в этом контексте сохраняет проблема соотношения реального конституционализма и его имитационных форм, а также воспроизводства различных модификаций мнимого конституционализма как устойчивой формы адаптации недемократических режимов к запросам глобального конституционализма и выработанным стандартам правосудия. Основная задача — поиск механизмов достижения консенсуса по выстраиванию этих параметров в рамках глобального управления и обеспечения его легитимности.

Мы находимся на переломной точке мирового развития, когда определяется, какая конструкция прав человека будет принята в будущем — либеральная или нелиберальная (постлиберальная). Это делает необходимым осмыслить саму ситуацию глобального когнитивного диссонанса — причины его возникновения и пути преодоления. Объясняется ли он различием ценностей, идеологий или идентичностей с ростом асимметрии и фрагментации глобальных правовых регионов; неприятием существующих международных стандартов, несовершенством механизма их реализации на национальном уровне, различием исторических нарративов и терминологии, противодействием политических режимов, или включает принципиальные содержательные различия подходов? Ответом на этот вызов становится, на наш взгляд, методология когнитивного конституционализма. Формальному критерию универсальности стандартов должен быть противопоставлен когнитивный, основанный на поиске содержательного единства прав, понимании

смысла норм и порядка их реализации в разных культурах. С этих позиций существующие модели глобального конституционализма и стандарты прав могут быть поняты как альтернативные стратегии, выражающие определённое (более или менее достоверное) приближение к цели (устойчивого глобального правового развития), между которыми возможен диалог по установлению точного смысла и границ желательных правовых форм, институтов и практик конструирования нового мирового порядка и обеспечения его легитимности.

Существо диалога состоит в установлении смысла конкурирующих моделей — их когнитивных рамок, мотивации разработчиков (как явной, так и скрытой), институциональных параметров разработки, фиксации позиций в проектах как реализованных продуктах психики и общественного правосознания в разных регионах мира. При всём различии подходов глобалистов и антиглобалистов, общая основа поиска компромисса — в предположении универсальности правовых стандартов будущего, основанном на осознании пределов фрагментации международного права, за которыми наступает неконтролируемая деструкция правовой системы в интернациональном и национальных измерениях.

Библиографическое описание:

Медушевский А. Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права // *Международное правосудие.* 2022. № 1 (41). С. 3—31.

How universalized are “universal standards” of human rights: the critical school of international law reappraised

Andrey Medushevsky

Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics, Moscow, Russia (e-mail: amedushevsky@mail.ru).

Abstract

The idea of the universal character of fundamental human rights and their protection became the cornerstone of international legal theory and practice after the end of the Second World War, opening the way to formation of universal standards of human rights and their implementation by transnational and national courts. This global legal order being formed was based on the rational presumption that Western liberal values could be gradually advanced beyond national borders in order to construct a new cosmopolitan post-national reality of international constitutionalism, thus averting violations of human rights by non-democratic political regimes. However, this idealistic vision has recently been put under question by the growing fragmentation and asymmetry of a multi-polar international order, powerful regional unions and states, and rising anti-globalist forces of a different ideological character. This intellectual trend, summarized as the critical school of international law, proposed an alternative vision of legal globalization and of human rights and their protection. The mainstream concept of global liberal constitutionalism was rejected as an oversimplification of the differentiated legal order, which is ruled not by common values but by very different competing interests. In this intellectual framework the “universal character” of human rights is nothing more than a form of “false universalism” — a new form of dominance by the global superpowers over developing countries in order to maintain the existing unfair system of international order and the inequality of the world’s regions, countries and minorities, which historically had no voice in these debates. The author summarizes the arguments of this critical wave of international debates on such issues as the legitimacy of international law, symmetry and fragmentation, regional strategies of adaptation to international standards, the place of so-called post-liberal values as alternatives to liberal ones, and possible new trajectories

in international constitutional justice. In conclusion the author formulates a new dilemma for the universality principle — it could be realized only by reciprocal agreement of all global actors, but this consensus cannot be achieved in the current situation of deep cognitive dissonance. The solution of this problem is possible on the basis of cognitive constitutionalism as a new form of international dialogue about the global legal order.

Keywords

global law; universal legal standards; human rights; critical school of international law; false universalism; legal asymmetry; post-liberal values; constitutional justice; global constitutionalism dilemma; cognitive constitutionalism.

Citation

Medushevsky A. (2022) Naskol'ko universal'ny "universal'nye standarty" prav cheloveka: pereotsenka kriticheskoy shkoly mezhdunarodnogo prava [How universalized are "universal standards" of human rights: the critical school of international law reappraised]. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, vol. 12, no. 1, pp. 3–31. (In Russian).

References

- Albert R., O'Brien D., Wheatle S. (eds.) (2020) *The Oxford Handbook of Caribbean Constitutions*, Oxford: Oxford University Press.
- Anghie A. (2004) *Imperialism, Sovereignty and the Making of International Law*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Aydin C. (2007) *The Politics of Anti-Westernism in Asia: Visions of World Order in Pan-Islamic and Pan-Asian Thought*, New York: Columbia University Press.
- Barkawi T. (2018) From Law to History: The Politics of War and Empire. *Global Constitutionalism*, vol. 7, no. 3, pp. 315–329.
- Bellamy R. (2007) *Political Constitutionalism: A Republican Defense of the Constitutionality of Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Belov M. (ed.) (2018) *Global Constitutionalism and Its Challenges to Westphalian Constitutional Law*, London: Hart.
- Bhandari S. (2016) *Global Constitutionalism and the Path of International Law: Transformation of Law and State in the Globalized World*, Leiden: Brill-Nijhoff.
- Bönnemann M., Jung L. (2015) *Critical Legal Studies and Comparative Constitutional Law*. Available at: https://www.rewi.hu-berlin.de/de/lf/ls/dnn/pub/oxcon_critical_legal_studies_and_comparative_constitutional_law.pdf (accessed: 05.02.2022).
- Brunnée J. (2009) Climate Change, Global Environmental Justice and International Environmental Law. In: Ebbesson J., Okowa Ph. *Environmental Law and Justice in Context*, Cambridge: Cambridge University Press, pp. 316–332.
- Carducci M., Castillo Amaya L. P. (2016) Nature as "Grundnorm" of Global Constitutionalism: Contributions from the Global South. *Revista Brasileira de Direito*, vol. 12, no. 2, pp. 154–165.
- Carrai M. A. (2016) Global Constitutionalism and the Challenge of China's Exceptionalism. In: Coradetti C., Sartor G. (eds.) *Global Constitutionalism without Global Democracy (?)*: EUI Working Paper LAW 2016/21, Badia Fiesolana: European University Institute, pp. 95–113.
- Chimni B. S. (2008) Is There an Asian Approach to International Law: Questions, Theses, and Reflections. In: Chimni B. S., Masahiro M., Thio L.-A. (eds.) *Asian Yearbook of International Law*, vol. 14, Leiden: Brill-Nijhoff, pp. 247–264.
- Choudhry S. (ed.) (2008) *Constitutional Design for Divided Societies: Integration or Accommodation?* New York: Oxford University Press.
- Crawford C. et al. (eds.) (2018) *Populism as a Common Challenge*, Moscow: Political encyclopedia.
- Daly T. G. (2017) Democratic Decay in "Keystone" Democracies: The Real Threat to Global Constitutionalism? *I-CONNECT*. Available at: <http://www.i-connectblog.com/2017/05/democratic-decay-in-keystone-democracies-the-real-threat-to-global-constitutionalism-i-connect-column/> (accessed: 05.02.2022).

- Deplano R. (2013) Fragmentation and Constitutionalisation of International Law: A Theoretical Inquiry. *European Journal of Legal Studies*, vol. 6, no. 1, pp. 85–114.
- Diggelmann O. (2018) The Internationalists as Grand Narrative: Key Elements and Dilemmata. *Global Constitutionalism*, vol. 7, no. 3, pp. 297–314.
- Frosini J. O., Biagi F. (2014) *Political and Constitutional Transitions in North Africa: Actors and Factors*, London: Routledge.
- Fruhstorfer A., Hein M. (eds.) (2016) *Constitutional Politics in Central and Eastern Europe: From Post-Socialist Transition to the Reform of Political Systems*, Berlin: Springer.
- Gathii J. T. (2011) TWAIL: A Brief History of Its Origins, Its Decentralized Network, and a Tentative Bibliography. *Trade, Law and Development*, vol. 3, no. 1, pp. 26–64.
- Hathaway O. A., Shapiro S. J. (2017) *The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War*, London: Allen Lane.
- Jakubowski A., Wierczyńska K. (eds.) (2016) *Fragmentation vs the Constitutionalisation of International Law: A Practical Inquiry*, London: Routledge.
- Paik J.-H., Lee S.-W., Tan K. Y. L. (eds.) (2012) *Asian Approaches to International Law and the Legacy of Colonialism: The Law of the Sea, Territorial Disputes and International Dispute Settlement*, London: Routledge.
- Kibet E., Fombad Ch. (2017) Transformative Constitutionalism and the Adjudication of Constitutional Rights in Africa. *African Human Rights Law Journal*, vol. 17, no. 2, pp. 340–366.
- Kimijima A. (2011) Global Constitutionalism and Japan's Constitutional Pacifism. Available at: http://www.ritsumei.ac.jp/ir/isaru/assets/file/journal/23-3_03_Kimijima.pdf (accessed: 05.02.2022).
- Klabbers J., Peters A., Ulfstein G. (2009) *The Constitutionalization of International Law*, Oxford: Oxford University Press.
- Klug H. (2016) Towards a Sociology of Constitutional Transformation: Understanding South Africa's Post-Apartheid Constitutional Order. University of Wisconsin Legal Studies Research Paper no. 1373. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2729460 (accessed: 05.02.2022).
- Koskenniemi M. (2006) *From Apology to Utopia: The Structure of International Legal Argument*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Kotzé L. J. (2012) Arguing Global Environmental Constitutionalism. *Transnational Environmental Law*, vol. 1, no. 1, pp. 199–233.
- Krisch N. (2010) *Beyond Constitutionalism: The Pluralist Structure of Postnational Law*, Oxford: Oxford University Press.
- Kumar V. (2017) Towards a Constitutionalism of the Wretched. *Völkerrechtsblog*, 27 July. Available at: <https://voelkerrechtsblog.org/towards-a-constitutionalism-of-the-wretched/> (accessed: 05.02.2022).
- Kumm M., Lang A. F., Tully J., Wiener A. (2014) How Large Is the World of Global Constitutionalism? *Global Constitutionalism*, vol. 3, no. 1, pp. 1–8.
- Lang A. F., Wiener A. (2017) *Handbook on Global Constitutionalism*, Northampton, MA: Edward Elgar Publishing.
- Law D. S., Versteeg M. (2011) The Evolution and Ideology of Global Constitutionalism. *California Law Review*, vol. 99, no. 5, pp. 1163–1258.
- Maldonado D. B. (ed.) (2013) *Constitutionalism of the Global South: The Activist Tribunals of India, South Africa, and Colombia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Manela E. (2007) *The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anticolonial Nationalism*, Oxford: Oxford University Press.
- Mazower M. (2009) *No Enchanted Palace: The End of Empire and the Ideological Origins of the United Nations*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Medushevsky A. N. (2021) Global Constitutionalism and Legal Fragmentation: The Populist Backslide in Central and Eastern Europe. *Studia Iuridica Lublinensia*, vol. 30, no. 4, pp. 393–440.

- Medushevsky A. (2018) Konstitutsionnaya retraditsionalizatsiya v Vostochnoy Evrope i Rossii [Constitutional re-traditionalization in Eastern Europe and Russia]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, vol. 27, no. 1, pp. 13–32.
- Medushevsky A. (2018) Tendentsii postsovetskikh politicheskikh rezhimov v svete noveyshey volny konstitutsionnykh popravok [Trends in Post-Soviet political regimes in the light of the newest wave of constitutional amendments]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 49–66.
- Medushevsky A. N. (2019) Konstitutsiya Interneta: ideya, proekty i perspektivy [Internet constitution: idea, projects and prospects]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 71–86.
- Medushevsky A. N. (2020) Global'nyy konstitutsionalizm: integratsiya ili fragmentatsiya mezhdunarodnykh otnosheniy v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa? [Global constitutionalism: integration or fragmentation of international relations in the context of the economic crisis?]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 3, pp. 96–115.
- Medushevsky A. N. (2020) Konstitutsionnaya reforma – 2020 s pozitsiy teorii legitimnosti [Constitutional reform – 2020 from the standpoint of the theory of legitimacy]. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya*, no. 4, pp. 15–30.
- Medushevsky A. N. (2020) Global'nyy konstitutsionalizm: pretsedent v transnatsional'noy pravovoy kommunikatsii [Global constitutionalism: a precedent in transnational legal communication]. *Zakon*, no. 1, pp. 98–108.
- Medushevsky A. N. (ed.) (2022) *Konstitutsionnyy Sud Rossii: osmyslenie opyta* [The Constitutional Court of Russia: understanding the experience], Moscow: Center for constitutional studies, 2022.
- Mutua M. W. (2000) What Is TWAIL? *Proceedings of the American Society International Law Annual Meeting*, vol. 94, pp. 31–38.
- O'Donoghue A., Houghton R. (2018) A Manifesto for Feminist Global Constitutionalist Order. *CLT*, 1 August. Available at: <http://criticallegalthinking.com/2018/08/01/a-manifesto-for-feminist-global-constitutionalist-order/> (accessed: 05.02.2022).
- Okafor O. Ch. (2010) Critical Third World Approaches to International Law (TWAIL): Theory, Methodology, or Both? *International Community Law Review*, vol. 10, no. 4, pp. 371–378.
- Onuma Y. (2006) A Transcivilizational Perspective on Global Legal Order in the Twenty-first Century: A Way to Overcome West-centric and Judiciary-centric Deficits in International Legal Thoughts. *International Community Law Review*, vol. 8, no. 1, pp. 29–63.
- Pahuja S. (2011) *Decolonising International Law: Development, Economic Growth and the Politics of Universality*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pedersen S. (2015) *The Guardians: The League of Nations and the Crisis of Empire*, Oxford: Oxford University Press.
- Piccone T. (2016) *Five Rising Democracies and the Fate of the International Liberal Order*, New York: Brookings Institution Press.
- Pigrau A., Borràs S., Cardesa-Salzmán A., Jaria i Manzano J. (2013) *International Law and Ecological Debt: International Claims, Debates and Struggles for Environmental Justice*: EJOLT Report No. 11.
- Ramina L. (2018) Framing the Concept of TWAIL: “Third World Approaches to International Law”. *Revista Justiça do Direito*, vol. 32, no. 1, pp. 5–26.
- Rawls J. (2008) *Lectures on the History of Political Philosophy*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Risse M. (2015) Taking up Space on Earth: Theorizing Territorial Rights, the Justification of States and Immigration from a Global Standpoint. *Global Constitutionalism*, vol. 4, no. 1, pp. 81–113.
- Schwöbel Ch. E. J. (2011) *Global Constitutionalism in International Legal Perspective*, Leiden; Boston, MA: Martinus Nijhoff Publishers.
- Ginsburg T., Simpser A. (2014) *Constitutions in Authoritarian Regimes*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Suami T., Peters A., Vanoverbeke D., Kumm M. (eds.) (2018) *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*, Cambridge: Cambridge University Press.

- Viellechner L. (2012) Constitutionalism as a Cipher: On the Convergence of Constitutionalist and Pluralist Approaches to the Globalization of Law. *Goettingen Journal of International Law*, vol. 4, no. 2, pp. 599–623.
- Xavier S. (2015) *False Universalism of Global Governance Theories: Global Constitutionalism, Global Administrative Law, International Criminal Institutions and the Global South*: Ph.D. Dissertation, Osgoode Hall Law School, York University.
- Wenar L. (2007) *Blood Oil: Tyrants, Violence, and the Rules that Run the World*, Oxford: Oxford University Press.
- Westad O.A. (2011) *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*, Cambridge: Cambridge University Press.